

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ПОЮЩЕЕ
СЕРДЦЕ

...Я полностью ю забываю на сцене, что я — Образцова, певица Большого театра, я живу тем сиюминутным ощущением жизни, которая разыгрывается у рампы. Музыка,

только музыка подсказывает мне, как вести себя в данную минуту, что выразить, как сказать...

Да, в жизни народной артистки РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки Елены Образцовой наступила та самая пора зрелости, когда устанавливается чуткое и тонкое взаимопонимание между исполнительницей и залом, когда можно и должно раскрыть ему сердце.

Казалось бы, удивительно проста биография Елены Образцовой, счастлива ее судьба: с третьего курса Ленинградской консерватории принятая в труппу прославленного Большого театра, она сразу же спела на его сцене Марину Мнишек в опере Мусоргского «Борис Годунов». А потом — новые ответственные, ведущие партии, зарубежные гастрольные, яркие отклики советской и иностранной печати, золото конкурсов, признание слушателей... Для молодых певцов это таит в себе и опасность: стоит лишь на короткий срок свернуть с трудной мучительной дороги к вершине и позволить дурману славы овладеть душой, как можно незаметно для себя разменяться, стать кумиром «на час».

Елена Образцова с самого начала своей творческой жизни старалась петь для тех, кто ищет в музыке не развлечения и отдыха, а приходит в оперу и на концерт с желанием постичь то глубокое и прекрасное, что делает бессмертными человеческие мысли и чувства. И в музыку певица входила, не торопясь, постепенно, стараясь петь только созревшее, пережитое умом и сердцем.

Совсем недавно родилась на сцене Большого театра теперь уже незабываемая Кармен Образцовой. В музыке Бизе, звучащей почти столетие, певица сумела постигнуть новую глубину страсти, свободной, как бы вспыхнувшей вдруг и впервые в жизни.

— Я не любила Кармен такой, как ее создавали некоторые певицы, — говорит Елена Васильевна. — Мне казалось, в таких трактовках не хватает глубины. Ведь какие-то особые черты Кармен вызвали к ней почти всеобщую любовь, значит, она не могла быть вульгарной, какой-то «тигрицей». Мне кажется, сама Кармен по-настоящему любила всего лишь раз...

Образ моей Кармен родился в Испании. Однажды, наблюдая корриду и окруженная неистовствующей толпой зрителей, я вдруг поняла, почему Кармен, изверившись в своей мечте, обращает внимание на Эскамильо, а не на кого-то другого...

Кармен, так и не утолив своей жажды любить свободно, в порыве чувств мечется, стараясь только забыться с Эскамильо. И нож, выхваченный Хозе, служит ей чуть ли не спасением. Она безрассудно бросается на него, умирает от руки своего единственного возлюбленного. Трагична и в то же время светла эта Кармен, созданная Еленой Образцовой. Ее трагедия — это трагедия несбывшейся мечты.

КОГДА СПРАШИВАЕШЬ у Елены Васильевны, что ей ближе: театральная или концертная сцена, видишь, как затрудняется она ответить на этот вопрос, провести черту, отделяющую музыку оперную от камерной.

— В опере нужно не только петь, но, к несчастью, и играть. А может, к счастью? — улыбаясь, тут же задает себе вопрос певица.

Но, если говорить серьезно, она играет, вернее, живет в музыке, выступая и с камерной программой. И снова рождаются образы, понятые и постигнутые сердцем. В романсах Рахманинова, композитора любимого и, может быть, наиболее близкого характеру певицы, предстает образ страдающей, ранимой души, такой отзывчивой к настроениям минуты. В романсах Чайковского проступает другое — очарованность прошедшими мгновениями счастья, углубленное самоизучение мыслей и чувств. Ведь недаром и программа этого вечера романсов была продумана Образцовой, построена именно так, чтобы можно было проследить жизненный путь «лирического героя» композитора — от воспоминаний о молодости до последних дней.

Елена Образцова задумала создать своеобразную антологию русской камерной музыки, которая включает в себя романсы Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, Чайковского, Рахманинова, а потом через Прокофьева и Свиридова — переход к советской музыке.

— Я долго не бралась за исполнение современной музыки, — рассказывает Елена Васильевна. — Меня ругали, не понимали такого «невнимания» с моей стороны к творчеству наших композиторов. Но все дело в том, что я не хотела петь только ноты, спеть же так, как слышу внутренним слухом, еще не могла. Я глубоко убеждена, что каждый певец должен пройти путь от Баха, Генделя, Мо-

царта, Бетховена к музыке современной. Это необходимо и для воспитания музыкальной культуры, и для овладения мастерством, таинством и богатством звуковедения. В следующем сезоне я спую совершенно новый цикл из произведений советской камерной музыки...

А скоро нас ждет встреча и с ее образом Розины из оперы Россини «Севильский цирюльник», партия которой, между прочим, была написана композитором для меццо-сопранового исполнения, а не сопранового, как это принято сейчас. Розина Елены Образцовой заживет на сцене Большого театра рядом с Кармен и принцессой Эболи из «Дона Карлоса» Верди, Мариной Мнишек из «Бориса Годунова», Полиной из «Пиковой дамы» и другими ее героинями. Кто знает, может, в недалеком будущем сбудется и давняя, еще студенческая мечта певицы — воплотить на сцене советского театра Брунгильду из оперы «Валькирия» Рихарда Вагнера.

Во время недавней поездки Елены Образцовой в Испанию барселонцы услышали сен-сансовскую Далилу, их же ждет скоро встреча с ее Леонорой из «Фаворитки» Доницетти. Английские любители оперного искусства встретятся нынешним летом с ее Кармен, а для гастролей во Франции певица готовит партию Шарлотты из «Вертера» Массне.

— В следующем сезоне с оркестром Большого театра я буду петь «Песню об умерших детях» Густава Малера. Выступлю в Ленинграде с оркестром филармонии в «Реквиеме» Верди. Эту же партию я приглашена петь в Испанию, — говорит Елена Васильевна.

Бесконечные поездки... По нашей стране, за ее пределы. Идут письма с берегов Волги и Невы, из сибирских деревень и южных городов. Пишут Елене Образцовой на русском, французском, чешском, японском... Постоянным корреспондентом певицы стал рабочий сцены из Барселоны. С ним «русская звезда» говорила, «как с равным», она перевернула его представление о «недоступности примадонн», заставила задуматься о величии страны, рождающей вот таких, богатых истинными человеческими чувствами людей.

И ЕСЛИ вернуться к разговору о благотворном влиянии благополучно сложившихся обстоятельств, то надо вспомнить, пожалуй, прежде всего встречи с Александром Павловичем Ерохиным, постоянным концертмейстером, дом которого стал, по ее словам, «продолжением консерватории».

— Он буквально окружил меня музыкой. Я слушала записи прославленных мастеров и чувствовала, как постепенно рушатся некоторые кумиры моей юности. Мы «проходили» с Ерохиным Рахманинова, и я читала все написанное о Рахманинове, прослушивала записи всех его произведений. Так я изучаю каждого композитора. Все произведения Ерохин наставлял меня петь на языке оригинала. После итальянского я выучила французский и немецкий, сейчас взялась за испанский...

Я слушаю рассказ певицы и думаю: наверное, всю свою жизнь будет чувствовать себя Елена Образцова студенткой «консерватории совершенствования», ибо она принадлежит к числу художников, для которых не существует неподвижной линии творческого горизонта. Тесное соприкосновение все с новыми и новыми музыкальными произведениями, творчеством великих писателей и художников, общение с большими мастерами оперной сцены, такими, как Марио дель Мокаро, Карло Бергонци, Пласидо Доминго, Жильбер Пи, — все это постоянно расширяет границы бесконечного процесса совершенствования мастерства.

Не в этом ли и счастье Образцовой, чей дар, замеченный еще в самой юности, был взращен заботливыми руками таких людей, как профессор Ленинградской консерватории А. А. Григорьев, сумевшая отшлифовать алмаз в «бриллиант, сверкающий тысячами огней» (так писала о голосе певицы французская газета «Монд»).

А если обратить мысленный взор к более ранним годам, то вспомнится и «музыкальный отец» — Всеволод Иванович Шотов, инженер Ленинградского завода имени Ленина, который научил маленькую Лену, распевальную вальсы Штрауса, читать ноты. И концертмейстер Ростовского музыкального училища Марина Станиславовна Выржиковская, которая, помню, еще пятнадцать лет назад говорила мне об одной из своих студенток — Лене Образцовой, что у нее «прекрасное будущее».

Елену Образцову приходят послушать люди разных судеб и поколений, несхожие по своим характерам, вкусам и взглядам. Они идут в оперу, чтоб встретиться с Кармен или Эболи, приходят на концерты, чтоб еще раз услышать бессмертные романсы Глинки, Чайковского, Рахманинова. И большинство из них, повинувшись зову музыки, приходят еще и еще, образуя многотысячную аудиторию тех слушателей, которым становятся дорогими самые глубокие и тонкие раздумья и чувства певицы, ее поющее сердце.

Наталья КАЛИНИНА.